

ЗАГАДКИ ТЕКСТА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-49-56

О звуковых трансформациях слов в современной русской поэзии**Ольга Сергеевна Храмушина***Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия, hramushina.olga.angel@mail.ru*

Аннотация. Цель статьи состоит в определении видов и роли звуковых преобразований слов как одной из активных тактик современной русской поэзии. Актуальность исследования обусловлена недостаточным теоретическим освещением вопроса, решение которого значимо для адекватного анализа художественной речи. В ходе исследования использовались методы функционального и контекстуального анализа, обеспечившие рассмотрение данного феномена как элемента целостного художественного текста. В результате предпринятого исследования выявлены функции фонетических преобразований слов в поэтической речи, в частности: 1) *ритмическая* (первичная, связанная с природой стихотворной речи); 2) *иконическая*, в том числе функция создания *звуковой образности* (способствует лучшему выражению авторского замысла, обеспечивает участие фонетических трансформаций в отдельных видах стилизации); 3) *компрессивная* (отражает тенденцию к речевой экономии, ориентированную на разговорную речь и неполный произносительный стиль); 4) *текстообразующая* (становясь основным выразительным средством текста, звуковые трансформации могут определять его структуру); 5) *эвфемистическая* (трансформированный вариант слова формирует фонетическую аллюзию на его исходный вариант); 6) *комическая* (оригинальное звучание может порождать новые, в том числе игровые, иронические и иные смыслы). В результате анализа обоснован вывод о тесной связи фонетического эксперимента со смысловыми акцентами поэтических текстов. Результаты исследования расширяют имеющиеся в научной литературе сведения о звуковых преобразованиях слов, что открывает возможность практического применения полученных данных в рамках филологического анализа текста, в том числе и на уроках русского языка и литературы в школе.

Ключевые слова: поэзия, метр, рифма, ритм, повтор, аллитерация, ассонанс, стилизация, метаплазм

Для цитирования: Храмушина О. С. О звуковых трансформациях слов в современной русской поэзии // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 2. С. 49–56. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-49-56.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

About phonetic transformations of words in modern Russian poetry**Olga S. Khramushina***Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia, hramushina.olga.angel@mail.ru*

Abstract. This article aims to determine the types and role of phonetic transformations of words as an active tactics applied in modern Russian poetry. This problem has not received sufficient theoretical attention, which is significant for an adequate analysis of artistic speech. The methods of functional and contextual analysis were applied allowing the phenomenon under study to be considered as an element of an integral literary text. As a result, the functions of phonetic transformations of words in poetic speech were revealed, in particular: 1) *rhythmic* (primary associated with the nature of poetic speech); 2) *iconic*, including the function of creating *sound imagery* (contributing to an enhanced expression of the author's intention and ensuring the participation of phonetic transformations in certain types of stylisation); 3) *compressive* (reflecting the tendency towards speech economy, focused on spoken speech and incomplete pronunciation style); 4) *text-forming* (sound transformations as the main expressive means of a text can determine its structure); 5) *euphemistic* (the transformed version of the word constructs a phonetic allusion to its original version); 6) *comic* (the original sound can generate new versions including game, ironic and other meanings). It is concluded

that there is a tight connection between phonetic experiments and the semantic accents made in poetic texts. The results of the study contribute to the existing scientific literature on phonemic transformations. The results can be applied when conducting a philological analysis of a text and at Russian language and literature lessons.

Keywords: poetry, meter, rhyme, rhythm, repetition, alliteration, assonance, stylisation, metaplasms

For citation: Khramushina O. S. About phonetic transformations of words in modern Russian poetry. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2021. Vol. 82, No. 2. P. 49–56. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-49-56. (In Russ.).

Введение. Изобразительный потенциал языковых средств всегда имел особое значение для поэтической речи. Р. О. Якобсон пишет: «Поэзия есть язык в его эстетической функции» [Якобсон 1987: 275]. Реализуется она, по справедливому замечанию ученого, не только за счет семантики: «Деформация семантическая очень разнообразна в поэзии, и ей параллель — фонетическая деформация слова» [Там же: 298]. Этому суждению созвучны и взгляды Б. В. Томашевского, который, отмечая большую роль установки на выражение в поэзии, писал, что именно в ней «звуки речи приобретают большее значение и в некоторых условиях даже могут во впечатлении заслонить восприятие значения»¹.

Предоставляя «больше места индивидуальной свободе и выбору» [Балли 1955: 35], язык поэзии стремится избежать ситуации, когда «ни тропы, ни поэтические вольности больше ничего не говорят сознанию» [Якобсон 1987: 287], поэтому вовсе не случайны разнообразные проявления языковой игры, связанной со звуковой формой современного русского стиха. Становясь особым средством привлечения читательского внимания, а в некоторых случаях и авторской установкой, идиостилевые трансформации формальных элементов стиха нередко представляют собой значимое расширение функциональных возможностей средств языковой выразительности. Среди них заметное место ввиду своей очевидной частотности в современных поэтических текстах занимают **метаплазмы**. **Метаплазм** принято определять как «прием трансформации звукового или графического облика слова»². Их использование

в русской поэзии последних лет требует, на наш взгляд, особого исследовательского внимания по ряду причин.

Во-первых, метаплазмы на данном этапе развития науки о языке исследованы недостаточно. В специальной литературе термин *метаплазм* практически не встречается. Так, отсутствует он в авторитетном «Литературном энциклопедическом словаре»³, в справочнике «Русский язык. Энциклопедия»⁴, в «Литературной энциклопедии терминов и понятий»⁵, в словарях «Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий»⁶, в «Полном словаре лингвистических терминов»⁷ и др.

В работах, освещающих данное понятие, дискуссионным остается вопрос об отнесении метаплазм к числу выразительных средств или ошибок («солецизмов»). В словаре Г. Г. Хазагеров метаплазмы включены в раздел «Ошибки: солецизмы и метаплазмы». Автор подчеркивает, что грамматика традиционно трактует их как ошибки, поэзия допускает возможность употребления, риторика же видит в них особые средства⁸. Подобные колебания восходят к античности, где понимание выразительных средств тесно переплеталось с представлениями о норме и ошибке. Так, еще Квинтилиан считал метаплазмы («преложение

³ Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. 750 с.

⁴ Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая российская энциклопедия: Изд. дом «Дрофа», 1997. 703 с.

⁵ Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. 1600 с.

⁶ Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко. М.: Изд-во Кулагиной: Intrada, 2008. 357 с.

⁷ Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. 562 с.

⁸ Хазагеров Г. Г. Риторический словарь. М.: Флинта; Наука, 2009. С. 390.

¹ Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика: учеб. пособие / вступ. статья Н. Д. Тмарченко; комм. С. Н. Бройтмана при участии Н. Д. Тмарченко. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 82.

² Москвин В. П. Язык поэзии. Приемы и стили: терминологический словарь. М.: Флинта, 2017. С. 200.

букв или слогов») «извинительными» недостатками поэтической речи, вызванными необходимостью соблюдать меру стиха [Квинтилиан 1834: 43]. Между тем наличие выразительной функции позволяет противопоставить метаплазмы, используемые на правах поэтической вольности, ошибкам. Заметим, что разграничение ошибок и художественных приемов затруднительно также для учащихся, что актуализирует необходимость методического освещения данного вопроса.

Разночтения встречаются и при интерпретации метаплазм. Так, некоторые ученые определяют афферезис как «риторическое удаление слога — безударного или ударного — в начале слова для создания нового термина или выражения», а апокопу как «удаление слога или буквы в конце слова» [Rahman, Weda 2019: 47, 48], между тем в подобных случаях объектом удаления далеко не обязательно оказываются «слог или буква», ср.: *...для кого-то в нем спаситель на осле, / для меня, признаться, продолжение сле...* (А. Маркман. Из частиц). Как видим, в результате использования **апокопы** слово *следует* сокращено на два слога и на четыре буквы. Поэтому, на наш взгляд, целесообразнее определять **афферезис** как сокращение слова за счет начальных звуков, а под **апокопой** понимать сокращение слова за счет концовки⁹.

В отечественной филологии звуковые трансформации рассматриваются преимущественно на материале разговорной речи как средство компрессии в неполном произносительном стиле, между тем анализ метаплазм необходим и в других функциональных стилях, прежде всего в художественной, в частности поэтической, речи, где авторы более свободны в выборе средств выражения своего замысла. При этом наблюдается существенное упрощение терминологии, а значит, и инструментария исследования: к примеру, синкопа нередко трактуется как любое выпадение звуков «не в конце слова» [Андросова, Гусева, Деркач, Морозова 2016: 5]; такая трактовка игнорирует понятие афферезиса. Мы будем придерживаться общепринятой трактовки, согласно которой **синкопа** представляет собой метаплазм, состоящий в сокращении слова за счет срединных звуков.

Некоторые исследователи звуковых трансформаций ограничиваются традиционными, стандартными дериватами, не рассматривая те, что «придуманы поэтом, но используются им только единожды» (перевод наш. — О. Х.) [Shevchenko 2019: 112]. Между тем с научной точки зрения художественные окказионализмы («гапаксы») не менее интересны: поэтическая речь, безусловно, реализует и общие языковые тенденции, но прежде всего она является продуктом индивидуального авторского сознания, поэтому без рассмотрения уникальных фонетических трансформаций нельзя адекватно оценить выразительные возможности языкового средства.

Включение в школьную программу современных поэтических текстов, для которых, начиная с 1990-х гг., характерно всё более активное применение поэтических вольностей, в частности метаплазм, диктует необходимость обучения навыкам анализа, адекватного сложности вопроса, что позволит более глубоко понять механизмы литературной нормы и научиться грамотно использовать стилистические ресурсы языка. Все это представляется возможным только при условии основательного теоретического освещения затронутой проблемы.

Начиная с эпохи Античности, метаплазмы делятся на четыре группы по типу производимой операции: сокращение, добавление, сокращение с добавлением (замена, субституция), перестановка [Общая риторика 1986: 99–116]. Отдельные исследователи предлагают выделять метаплазмы повтора, в число которых включают ассонанс и аллитерацию [Encyclopedia of rhetoric 1996: 271]. На наш взгляд, это дополнение противоречит определению метаплазм, данному этими же исследователями: «Метаплазм — это общее название, данное орфографическим фигурам, фигурам, которые меняют правописание (или звук) слова без изменения его значения» (перевод наш. — О. Х.) [Там же: 270]. Ассонанс и аллитерация имеют два источника: 1) слова, содержащие повтор звука (например, в слове *шуршание* звук [ш] вызывает ассоциации, соответствующие его содержанию); 2) расположение ряда слов, включающих нужный звук, в непосредственной близости друг от друга. Ни тот, ни другой источник не предполагает

⁹ Ср.: Москвин В. П. Указ. соч. С. 42, 48.

преобразования звукового облика слова, следовательно, ассонанс и аллитерацию не следует включать в число метаплазмов. Вместе с тем заметим, что автор может трансформировать слова с целью усилить звуковой повтор:

Я разгрыз
мозговую косточку словаря,
вынув **Б**,
вынув из смысла **Ы**,
и **быка** в него впряг.
Я калмык и кыргыз.
Пей из крынки словарный кумыс.
Я Нарцисс.
(В. Гандельсман. Мыдым)

Основной функцией, реализуемой метаплазмами в современной русской поэзии, выступает **ритмическая**, обеспечивающая сохранение системности элементов фонетического рисунка стихотворения: метра и рифмы. Ее можно подразделить на две частных функции: **метрообразующую** — если метаплазм используется только для сохранения метра, **рифмообразующую** — если звуковое преобразование обеспечивает созвучие клаузул. В качестве одной из причин употребления сокращенных слов в поэзии регулярно указывают «потребность в корректировке размера слов для подстраивания под метро-ритмический рисунок стиха» (перевод наш. — О. Х.) [Shevchenko 2019: 111]. Влиянием этой функции объясняется тяготение поэзии к отдельным грамматическим формам, ср.: «По всей вероятности, причастия на -сь в поэтическом языке XVIII — начала XIX в. служат в первую очередь средством соблюдения размера», причастия же на -ся могут встречаться там, где это не нарушает размера [Галинская, Пиперски 2018: 81]. Подобные наблюдения служат аргументом в пользу оценки ритмической функции как одной из ключевых для фонетических трансформаций в поэзии. Благодаря высокому креативному потенциалу метаплазмы выполняют эту и, как показано ниже, некоторые иные роли. В этой связи целью нашего исследования является рассмотрение функций метаплазмов в современной русской поэзии с учетом их значения как для формальной, так и для смысловой ее составляющей.

Анализ. Требование соблюдения определенного метра и рифмы оправдывает обращение авторов к различного рода

поэтическим вольностям. Этой цели может служить, например, **переакцентовка** — прием, технически близкий к метаплазмам, поскольку поэт может смещать ударение в слове для соблюдения выбранной метрической схемы, более точной рифмовки, при этом в обоих случаях происходит фонетическая трансформация слова. Целесообразно разграничить **переакцентовку** и **выбор метрически уместного варианта**: первая тактика предполагает авторскую, окказиональную постановку ударения в слове, в то время как суть второй заключается в выборе акцентного варианта, уже существующего в языковой системе. Так, в следующем стихотворении читаем: ...*Не жизнь* — *сплошной* | *эфир* / *и звё* | *здная* | *музы* | *ка*. / *И со* | *дрогнёт* | *ся мир* / *от мо* | *его* | *же кри* | *ка* (Ф. Чечик. Зачем и для чего...). Поэт с целью сохранения ямба делает выбор в пользу устарелого произношения слова *музыка* с ударением на второй слог, т. е. выбирает **метрически уместный вариант**. Этой же тактики придерживается и другой автор, чтобы сохранить трехстопный амфибрахий: ...*Витийство* | *твое*, *ви* | *зантийство*, / *пупырча* | *той вязи* | *язык*, / *и я* | *за* | *дыхаюсь* | *заикой* / *в раздрызге* | *твоих мо* | *заик* (Д. Авалиани. Без умолку волны да волны...). В одном из стихотворений Олеси Николаевой оказывается **метрически и рифменно уместной** авторская акцентуация, обеспечивающая точное совпадение клаузул второго и четвертого стихов: ...*И льдом* | *задрай* | *все ды* | *ры*, *но* | *ры*, / *А для* | *побе* | *дной у* | *кори* | *зны* / *Яви* | *завью* | *женны* | *е го* | *ры* / *И пе* | *рвозда* | *нные* | *бели* | *зны*!.. (О. Николаева. Пастернаковское поле). Вадим Жук, используя переакцентовку в следующих строчках, выдерживает схему ямба; обратим внимание и на языковую игру с участием ударений: *Вот так* | *живёшь* | *и не* | *воро* | *тишь мор* | *ды*. / *Поды* | *ски* | *ва* | *ешь пра* | *вильный* | *ответ*, / *реша* | *я за* | *пы* | *лённые* | *кроссвор* | *ды* / *из за* | *бытых* | *иль за* | *бытых* | *газет* / *(забы* | *тых всё* | *-таки* | *!)*, *как ска* | *зано*, *време* | *н* / *собча* | *ковских* | *и от* | *деле* | *нья Кры* | *ма*... / *Не о* | *бделён*, *но буд* | *то от* | *да* | *лён* — / *ни до* | *ма*, *ни* | *Оте* | *чества*, *ни ды* | *ма*... (В. Жук. Вот так живешь и не воротишь морды...). Используя прием прецедентности (название хорошо известного стихотворения А. Твардовского), Юлий Гуголев обновляет с помощью переакцентовки устойчивое выражение и достигает точной рифмовки

в следующем контексте: ...*И хотя презирают друг друга в душе, / у обоих на лицах — «я убит подо Ржевом», / так что не дай богé вам, / не дай богé... (Ю. Гугольв. Вы не видали, как два богомола...).*

Помочь автору соблюсти стихотворный размер за счет ухода от **гиперметрии** (избытка слогов) способно обращение к метаплазму сокращения, например к **синкопированию**: ...*А ша|йка на|ша – де|ды у| отцы. / Каки|е ж все|-т'ки взро|слые| – лжецы|!*. (Он же. Не дверцу шкафчика, но, в целом, Сандуны...). Эллипсис гласной в частице *все-т'ки* носит подчеркнуто разговорный характер. Любопытно и его графическое отражение – посредством апострофа.

Апокопа лежит в основе так называемой **оборванной рифмы**, ярким примером которой может послужить фрагмент следующего стихотворения: *...сиди себе и смотри, качаясь в кресле-кача, / на этот сад изнутри, где вишню ест алыча...* (А. Кабанов. Звенит карманная медь, поет вода из трахей...).

Установка на образность в поэтической речи обуславливает использование средств выразительности в изобразительной, или **иконической функции**. Метаплазмы не являются исключением. Так, семантика недосказанности зачастую выражается **апокопой**. Данный метаплазм помогает поддержать следующий образный ряд: *Ничего не будет, только эхо / И еще, в груди, / Этот полудикий опус, эта / Вечность растилась перед ни... / Перед нами растворялась бездна — / Только эхо, больше ничего, / Маленькая детская прореха, / Золотое сло...* (А. Ли. Ничего не будет, только эхо...). Идея исчезновения звука в пространстве передается усечением конечных звуков слова. Значение ухода, семантика конца, присущая апокопированию, подтверждается следующим фрагментом: *...изгоняются деньги из карманов / постепенно изгоняется память / человек изгоняется из мира / человек изг* (Р. Мовсисян. Всемирная история изгнаний). Текст написан верлибром, поэтому использование апокопы здесь рационально лишь в единственной, названной выше функции. Еще одним ярким примером использования апокопы в иконической функции служат строки Санджара Янышева: *...Прочь от А... / прочь из Афр... / прочь из Африки — / с каждым словом все дальше и даль... / Скоро брег и — прощайте, кораблики! / Почва, твердая,*

как никогда... (С. Янышев. Нет Африки). Семантика отдаления здесь передана градуальным увеличением в первой строчке частей слова *Африка* и поддержана будто растворившимися вдалеке конечными звуками слова *дальше* во втором стихе.

Ярким примером звукописи можно назвать изображение пения жука в следующих строчках: ...*А черный с переблеском медным / горячий жук трубит победно: / **оле-ти нен ювами допиро / текаве рон зулени долам**...* (А. Нитченко. Жук). Вероятно, в исходном виде эта фраза звучала бы так: *Полетим над вами для пира / по коврам, зеленым долам.*

Фонетические трансформации получают отражение в графике, а потому способны вызывать не только звуковые, но и **визуальные ассоциации**. Рассмотрим фрагмент следующего стихотворения:

...Эй, кто там в тьму перетекает?

Вернись!..

Луна слезой стекает

В ПЕСОК.

Прилив *пере-*

ползает,

не-

текает,

-aem,

-aem...

(O. E p

Образ перетекания (префиксальный повтор в словах *перетекаю*, *перетекает* и т. д.) в конце текста объединяется с образом прилива, связанного при помощи **внутрислового стихового членения**, которое также можно отнести к числу явлений, технически близких к метаплазмам. Перенесение частей слов *-ползают*, *-текает* создает ощущение бесконечного движения волн прилива, повторение же *-ает* в конце рисует плеск воды и крик чаек. Иконическая функция усиливается за счет вынесения трансформированных единиц в расположенные лесенкой **подстроchia**: возникает эффект движения волн к берегу. Метаплазмы детализируют, подчеркивают заданный автором образный ряд.

Отдельным случаем **иконизма** можно считать **звуковую образность**, реализуемую **звукоподражательными метаплазмами**. С их помощью устанавливается, к примеру, ассоциативная связь между раскатами грома и экспрессивной речью в следующих строчках, где автор использует **геминацию** (удлинение согласных): *...когда он мне про*

*Пирррросмани рррокотал, / мне представ-
лялся многолюдный парк...* (С. Чернышова.
Целовальный переулок). Для реализации
этой же функции может быть использована
параморфоза, т. е. прием, «состоящий в заме-
щении части слова близкзвучной едини-
цей»¹⁰. Именно так Надежда Ярыгина пере-
дает в одном из стихотворений произнесен-
ное шаманом-вороном полукрик-полуслово:
*...Пролетая над головою, каркни в ухо: «кар-
савица!»...* (Н. Ярыгина. И я поживу у языч-
ников, тоже наслушаюсь рассказней...).

Фонетические трансформации исполь-
зуются и с целью передачи **недостатков**
речи. Так, неверная артикуляция неко-
торых звуков изображается при помощи
антистекона (приема замены буквы или
звука в слове) в таких, например, строках:
*...кагл у квагы укгал когалвы / а квага у каг-
ва укгава квознет...* (М. Хаген. Мама...).

Метаплазмы могут применяться при
стилизации, в частности профессиональ-
ной или детской речи: *...С места никак
не сдвинется / стрелка. Слабость минут-
на. / Горничные в холёсеньких / халатиках.
Тут уютно. / Правда, кровать на колесиках*
(В. Павлова. Хотела сказать больница...).
В данном контексте эта функция совме-
щена с **рифмообразующей**.

Метаплазмы в современной поэзии
активно реализуют **компрессивную** функ-
цию. Отметим, что данную функцию сле-
дует отграничивать от метробразующей.
Языковая компрессия связана прежде все-
го с **тенденцией к языковой экономии**; как
известно, обращение к кратким, усеченным
формам характерно для **неполного произно-
сительного стиля**. Все эти языковые процес-
сы активно отражаются в текстах современ-
ных русских поэтов благодаря обращени-
ям к метаплазмам. Поскольку обе функции
предполагают сокращение слова, они могут
совмещаться, ср.: *Горит| огонь| — камин|, све-
ча|, свети|льник. / Внутри| огонь|, снару|жи
снег| дрожит. / Леонид| Серге|ич ра|стре-
пал| седи|ны, / качнул|ся в кре|сле, кни|гу о|т-
ложил...* (А. Дьячков. Горит огонь — камин,
свеча, светильник...). **Афerezис** (Леонид
вм. Александр) и **синкопа** (Сергейч
вм. Сергейч) в третьем стихе позволили не допустить
гиперметрии и выдержать пятистопный ямб,
при этом трансформированное слово имеет
подчеркнуто разговорную интонацию.

В стихотворении Аркадия Штыпеля
наблюдаем, как посредством метаплазм
отражаются особенности **неполного произ-
носительного стиля**: *...бессмыслица в шле-
панцах тойсть / апория в спорых опорках /
в логических непроговорах...* (А. Шты-
пель. Амфибрахий). Авторское сло-
во *тойсть* образовано с помощью одно-
временного обращения к **синкопе** ([й]сть
вм. [йэ]сть) и **синалефе** — слиянию двух
фонетических слов в одно грамматическое
(*тойсть* = *то+есть*).

Выступая сквозным средством выра-
зительности, метаплазмы могут выпол-
нять и **текстообразующую функцию**.
Примером текста, полностью построенно-
го на использовании метаплазм, являет-
ся следующее стихотворение:

...Аще возможна
Благодать — рукой подать, и...
строим шорох... в окно... То в
Кои, пра, года?... Ата!.. и в там-
Бур... из мажора...

За... мишу-
Рой... воочью мочек,.. под пе-
Речмок... взасос... воздушный
Душ изо всех синичьих моши —
Примочек на...

«-слезавтра в Ту-
Шино...» Меш — ок!.. булата! В

Лад... под боком у... шопота,
В — дрожь!.. под гашеткой каран-
Даша... за «ради» бога! кровати,
В сутках от

Кушетки — в судах
От ломоты метелок за *молоть-*
Бой... Лишь — омовеньем... *маве-*
Нья!.. шалой метиолы — «*Узвара-*
Шум!»!.. *медвыно-*

фена метео-свод-
Ная возможность — «под занавес»...
за занавеской — парировать *мош-*
Ной шемежа крапило зависи «из-
Вестки» «навеса»:

Очная *возмож-*
Ность! Ли правом... Ась?... на
Тур прощальный... натуры... Ног
Промеж... таможни!.. *тр* — а ля
Рижане, — парижане...
(Г. Худяков. ...Аще возможна...)

Значительное число фонетических транс-
формаций делает текст трудным для пони-
мания, что характерно для стиля, известно-
го как **заумный язык**. Текст соткан здесь из

¹⁰ Москвин В. П. Указ. соч. С. 258.

обрывков вагонных разговоров, «полуслов», слов, оборванных тряской — всё это изображает гул движущегося, раскачивающегося вагона с невнятными обрывками речи пассажиров.

Различные звуковые трансформации слова используются и в целях **актуализации**. Так, метаплазмы помогают Вл. Гандельсману передать три смысловых акцента одновременно: ...и *входит внук / одна одна / жды там одна / она лежит молчит и он несме / ло видит и ни сме / ха ни дыха / он видит сме / он видит смер / он видит ть / его зовут при при примерь / ка на себя...* (В. Гандельсман. Вторая репетиция). Данное стихотворение входит в «Девять стихотворений из книги «Слова на ветер»». Во-первых, при сильном ветре слова собеседника могут доноситься обрывками, именно такого изобразительного эффекта автор достигает при помощи **стиховых переносов** (*несме / ло* и т. д.), а также **апокопирования** (*дыха*). Во-вторых, звуковые трансформации отражают особенности речи одного из героев стихотворения — «мальчика-заики», что выражается при помощи повторов и звуковых трансформаций (*одна одна, при при примерь*). В-третьих, испуганному человеку тяжело говорить, он будто глотает концовки слов, что изображено с использованием **апокопирования** (*сме — смер — ть*). Далее в тексте образ смерти объединяется с образом тьмы: ...из-за порттер его зо зо / из-за дверей / в нем селят страх приснить / вот это *ть* вот эту *тьму* / *смертьму смертьму*... Эффект усиливается **фигурой градации**: апокопированное *ть* — *тьму* — скорнированное *смертьму*.

Способность метаплазм затемнять сущность обозначаемого, создавать эффект недосказанности, прерванности мысли закономерно приводит к возможности использования фонетических трансформаций в **эвфемистической функции**, что также наблюдаем в современной русской поэзии. Так, **апокопа** позволяет лирической героине Веры Павловой не только подобрать нужную рифму в стихотворении, где ряд кратких прилагательных в конце строк создает особый ритм, но и изобразить смерть, не произнося этого слова:

Не то чтобы красива,
не то чтобы дурна,
на видео смешлива,
а в зеркале — грустна,
на фото — резколица,

по отзываю — проста,
я многим буду снится,
когда меня не *ста*.

(В. Павлова. Не то чтобы красива...)

В ряду функций, реализуемых метаплазмами, отметим и **комическую**. Обратившись к **параморфозе**, Евгений Клюев в одном из своих стихотворений создает особую игру слов:

До свиданья, город Лёйт!
Мы отправились в полёйт...

...Впрочем, Бог с ним: мы спешим,
ибо в нас несокрушим
дух... кого бы? — *самолёйта*!
Полетели, *самолёйт*...

(Е. Клюев. До свиданья, город Лёйт!)

Выводы. Подводя итоги, отметим, что метаплазмы используются в современной русской поэзии довольно активно и выполняют ряд значимых функций: ритмическую (в двух ее частных проявлениях: метрообразующем и рифмообразующем), иконическую, компрессивную, текстообразующую, функцию актуализации, эвфемистическую и комическую. Обращение к фонетическим преобразованиям слов не ограничивается целью строгого следования стиховым канонам либо нарочитого отступления от привычного звукового оформления речи, но мотивировано стремлением через трансформацию звучащей стороны стихотворения расставить смысловые акценты. Результаты проведенного анализа служат дополнением к существующим в языковедческой литературе сведениям о метаплазмах. Практическая ценность работы состоит в возможности использования ее результатов при комплексном филологическом анализе текстов. Методическую ценность для учителей русского языка и литературы представляет опыт рассмотрения поэтических вольностей в стихотворениях современных поэтов, чье творчество отражено в школьной программе, но вызывает у школьников определенные трудности в процессе анализа. Перспективу дальнейших исследований представляет поиск других функций, реализуемых фонетическими трансформациями слов в современной русской поэзии, благодаря чему будет возможным расширение наших представлений о метаплазмах как выразительном художественном средстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андросова С. В., Гусева С. И., Деркач С. В. [и др.] К вопросу об эллипсисе и элизии в спонтанной речи (на материале английского языка) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 5–13. DOI: 10.17223/15617793/413/1.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / ред., вступ. статья и прим. Р. А. Будагова. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
3. Галинская Е. А., Пиперски А. Ч. Причастия на -сь в русском поэтическом языке XVIII–XIX веков // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 77–86. DOI: 10.31857/S0373658X0001398-6.
4. Квинтилиан М. Ф. Двенадцать книг риторических наставлений / пер. с лат. А. Никольского. СПб.: Российская академия, 1834. Ч. 1. 486 с.
5. Общая риторика: пер. с франц. / Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж.-М. Клинкенберг [и др.]; общ. ред. и вступ. статья А. К. Авеличева. М.: Прогресс, 1986. 392 с.
6. Хлебников В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1 / под общ. ред. Р. В. Дуганова. М.: ИМЛИ РАН, 2000. 544 с.
7. Якобсон Р. Я. Новейшая русская поэзия // Якобсон Р. Я. Работы по поэтике: переводы / сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987. С. 272–316.
8. Encyclopedia of rhetoric and composition: communication from ancient times to the information age / ed. Theresa Enos. New York; London: Taylor & Francis, 1996. 803 p. DOI: 10.4324/9780203854884.
9. Rahman F., Weda S. Linguistic deviation and the rhetoric figures in Shakespeare's selected plays // XLinguae. 2019. Vol. 12, No. 1. P. 37–52. DOI: 10.18355/XL.2019.12.01.03.
10. Shevchenko S. N. Stylistic features of reduced words in poetry (in the English, Russian and Italian languages) // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2019. Vol. 5, No. 2. P. 108–118. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-11.

REFERENCES

1. Androsova S. V., Guseva S. I., Derkach S. V. et al. Elision in spontaneous speech (based on English). *Tomsk State University Journal = Bulletin of Tomsk State University*. 2016. No. 413. P. 5–13. DOI: 10.17223/15617793/413/1. (In Russ.).
2. Bally Sh. General linguistics and questions of the French language / R. A. Budagov (ed.). Moscow: Foreign Literature publ., 1955. 416 p. (In Russ.).
3. Galinskaya E. A., Piperski A. Ch. Participles in -s' in the language of Russian poetry of the 18th and 19th centuries. *Voprosy yazykoznanija = Topics in the study of the language*. 2018. No. 5. P. 77–86. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0373658X0001398-6.
4. Kintilian M. F. Twelve books of rhetorical instructions: translation from Latin / A. Nikol'sky (russ. ed.). Saint-Petersburg: Russian Academy, 1834. Part. 1. 486 p. (In Russ.).
5. Dyubua Zh., Ehdelin F., Klinkenberg Zh. M. et al. General rhetoric: translation from French / A. K. Avelicheva (russ. ed.). Moscow: Progress, 1986. 392 p. (In Russ.).
6. Khlebnikov V. Collected works: in 6 vol. Vol. 1 / R. V. Duganova (ed.). Moscow: IWL RAS, 2000. 544 p. (In Russ.).
7. Jakobson R. Ya. The latest Russian poetry. *Yakobson R. Ya. Raboty po poehtike: perevody = Works on poetics: translations* / M. L. Gasparova (ed.). Moscow: Progress, 1987. P. 272–316. (In Russ.).
8. Encyclopedia of rhetoric and composition: communication from ancient times to the information age / Theresa Enos (ed). New York; London: Taylor & Francis, 1996. 803 p. DOI: 10.4324/9780203854884. (In Engl.).
9. Rahman F., Weda S. Linguistic deviation and the rhetoric figures in Shakespeare's selected plays. *XLinguae*. 2019. Vol. 12, No. 1. P. 37–52. DOI: 10.18355/XL.2019.12.01.03. (In Engl.).
10. Shevchenko S. N. Stylistic features of reduced words in poetry (in the English, Russian and Italian languages). *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 2019. Vol. 5, No. 2. P. 108–118. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-11. (In Engl.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ольга Сергеевна Храмушина, магистрант, кафедра русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Olga S. Khramushina, Graduate Student, Department of Russian Language and Methods of Teaching, Volgograd state socio-pedagogical University

Статья поступила в редакцию 02.09.2020; одобрена после рецензирования 29.09.2020; принята к публикации 05.10.2020.

The article was submitted 02.09.2020; approved after reviewing 29.09.2020; accepted for publication 05.10.2020.